

УДК 316.354

DOI: 10.17223/1998863X/48/12

М.В. Удальцова, Е.А. Абрамова

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ

Показывается, что социальное взаимодействие – это базовый концепт в социологическом знании. В качестве объединяющих интересов в российском обществе, рассматриваются интересы справедливости, их нарушение вызывает социальное отчуждение. В этих условиях формируется неустойчивая, «нарративная» социальность. Предлагается при формировании социальной политики учитывать нарастающие протестные настроения населения и активизировать поиск социальных «скреп», способных усиливать взаимодействие людей и объединять их в позитивные социальные сообщества.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, социальное отчуждение, справедливость, избыточное неравенство, социальный порядок, нарративная социальность.

Чтобы управлять развитием, надо
его изучать как личностное движение к
общественному согласию.

Ж.Т. Тоценко

Перспективы развития страны зависят не столько от природных ресурсов, сколько от консолидации социума и качества управления. Сегодня социальный мир становится не только более динамичным, но и более пластичным, происходит интерференция объективных, субъективных и виртуальных реалий, прагматизм выступает как вершина рациональности. «Люди чувствуют, что живут в мире с ослабленными человеческими связями ...подвержены «нео-отчуждению», субъективно испытывают на себе то, что мир «мёртв и глух к их проблемам» [1. С. 23]. Социальные формы жизни преобразуются в коллективные формы сетевых социальных организмов [2]. Иерархические структуры по степени влияния на социальные процессы всё более уступают структурам сетевым, горизонтальным. В этих условиях возрастает важность исследования социетальных характеристик и уровня внутренней потребности людей в общественном согласии. Предметом социологических исследований становится не только судьба человечества (как у футурологов), но и *социальное будущее, и способы социального взаимодействия*. В этой связи необходимо сохранить социальные завоевания прошлой эпохи, «того выстраданного историей порядка, который помогал после войны сохранять социальный мир и культивировать гуманное общество» [3. С. 4].

Неолиберальный мир обречен на продуцирование неравенства и социального отчуждения. Необходимо искать варианты более справедливого социума. Не случайно в современной социологии наблюдается тенденция обновления классических парадигм, связанных с обоснованием идей, определяющих некоторые *принципиально новые направления социологического знания*. К числу таких направлений в отечественной социологии

М.К. Горшков и Ж.Т. Тощенко относят теорию и практику социального планирования, концепцию диспозиционной теории личности, гуманистический поворот в социальных науках, концепцию клеточной глобализации, концепции институциональных матриц, социологию жизни, социальной справедливости [4. С. 13]. Перечисленные направления социологического знания в качестве *базисного концепта* имеют понятие *социального взаимодействия*. Данное понятие, по сути, является общим, *сквозным* для многих направлений общей и отраслевой социологии.

Ещё К. Маркс в «Немецкой идеологии» отмечал, что «...способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В ещё большей степени, это – *определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни*» [5. С. 19]. И далее они замечают: «...для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди» [Там же. С. 25]. В ходе своей деятельности они не могут не взаимодействовать друг с другом. «...Вовсе не святым понятием человека, а действительными людьми в их действительном общении созданы эмпирические отношения, и уже потом, задним числом, люди эти отношения конструируют, изображают, представляют себе, укрепляют и оправдывают как откровение понятия «человек»» [Там же. С. 222]. Взаимодействуя, индивиды становятся общественными, вступают в процесс «обобществления», который сегодня трактуется как *социальность*. Социальность, следовательно, выступает в качестве некоего *продукта функционального взаимодействия людей*. И одновременно то или иное состояние социальности в обществе является своеобразным *катализатором*, ускоряющим или замедляющим человеческое развитие и развитие общества. Даже представители методологически другой теории социального действия М. Вебер [6] и Т. Парсонс [7, 8] вынуждены были вводить представление о социальном взаимодействии всякий раз, когда требовалось зафиксировать проблему социальности.

Фундаментальное значение социальному взаимодействию придавали Г. Зиммель [9] и П.А. Сорокин [10]. Так, Г. Зиммель считал необходимым рассматривать *реально существующие функциональные связи между людьми*. «Общество, – отмечал он, – представляется как объективно существующее, реальное единство лишь через взаимодействие» [9. С. 314]. П.А. Сорокин вообще считал, что «социология изучает явления взаимодействия людей друг с другом и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия» [10. С. 57]. При этом П.А. Сорокин не исключал из процесса взаимодействия самих индивидов. «Свойства индивидов и свойства взаимодействия функционально связаны: нельзя одно отрывать от другого» [Там же. С. 140]. У П.А. Сорокина коллективное единство, т.е. различные сообщества, в том числе и общество в целом, «существует только как система взаимодействующих единиц, без которых и вне которых оно немыслимо и невозможно, как невозможно всякое явление без всех составляющих его элементов» [Там же. С. 316].

Следовательно, социальное взаимодействие в определенной мере является тем механизмом, который переводит количество единичных индивидуумов в новое качественное состояние, некую целостность. И сами они в этой целостности уже качественно иные, чем взятые по отдельности. Через функ-

циональные социальные взаимодействия П.А. Сорокин переходит к моделированию социума как реально существующей целостности. В связи с этим анализ различных общественных и групповых структур предполагает изучение интересов различных их участников, на основе которых возникают функциональные взаимодействия внутри этих структур и формируются групповые идентичности. В современном российском обществе объединяющими интересами большинства населения являются интересы справедливости. Именно они предполагают «реинтеграцию отчужденного от собственности труда (если он наёмный), его результатов человека в общество, приспособление самого общества, его институтов к человеку, преодоление отчуждения и достижение очеловечивания социального контекста» [11. С. 14].

В основном такой же позиции придерживается и современный английский социолог Э. Гидденс: «Значительная часть социологической теории, в особенности той, что связана со структурной социологией, рассматривает социальных субъектов как менее осведомленных, менее сообразительных и опытных, чем они есть на самом деле» [12. С. 27–28]. Они рассматривают человека как результат действия внешних сил. Однако «большинство рассматриваемых научных направлений (кроме структурализма)... придаёт особое значение живому, деятельному, активному и рефлексивному характеру человеческого поведения» [Там же. С. 9]. А «структуральные свойства социальной системы существуют только благодаря непрерывному воспроизводству различных форм социального поведения во времени и пространстве» [Там же. С. 15]. В данном случае мы считаем в значительной мере синонимичными понятия социального поведения и социального взаимодействия.

Основу повседневной жизни, следовательно, составляет рефлексивный контроль потока социальных взаимодействий. Данное обстоятельство объясняет, почему «...позиционирование или расстановка индивидов в пространстве социальных взаимодействий составляет фундамент социальной жизни» [Там же. С. 20].

Признание понятия и самого явления социального взаимодействия как основополагающего в теоретической социологии особенно важно сейчас, когда *отчуждение* различных индивидов и групп становится критическим. Под отчуждением в данном случае понимается не социально-психологическое, а *социальное* отчуждение, содержательная трактовка которого была дана ещё основоположником теории социального отчуждения К. Марксом, а именно: отчуждение от собственности, от труда и его результатов. Появление и усиление социального отчуждения связано с социальным неравенством, падением доходов основной массы населения. Сегодня свыше 2,2 млрд человек живут в условиях многомерной бедности (т.е. более 15% населения мира), почти 80% населения не имеет достаточной социальной защиты; около 12% (842 млн человек) страдают от хронического голода; почти половина всех рабочих (более 1,5 млрд человек) трудятся в условиях неформальной, т.е., по сути, ненадежной занятости; общий индекс удовлетворенности жизнью в мире составляет чуть более половины (5,1) [13. Р. 30–33; 42–43; 62–65; 66–69; 74–77]. Конечно, неравенство существует в обществах любых типов и отражает возможности самореализации различных групп населения. Однако речь идет о тех представителях современных обществ, душевой доход которых

ниже официальной черты бедности. В России – это те группы людей, душевой доход которых ниже прожиточного минимума. Неравенство этой категории является *избыточным*, и уровень его препятствует нарастанию социальности в обществе. Его основные проявления представлены в таких параметрах, как доля бедных во всём населении, степень неравенства в распределении денежных доходов (коэффициенты Джини и квинтильный), а в результате – общее снижение уровня жизни, безработица.

Приведённые выше параметры избыточного неравенства, социальной несправедливости, а следовательно, и социальной отчужденности в мире в определенной мере характерны и для российского общества. По оценкам специалистов, в России около 75% национального богатства сконцентрировано в руках 10% наиболее богатого населения [14. С. 5]. По уровню концентрации богатства Россия уже обогнала США. При этом в России самые богатые люди – это собственники (или владельцы) нефтяных и металлургических предприятий, использующие общенациональные ресурсы. В США это предприниматели, создавшие мировые технологические империи и внедряющие их в производство. Кроме того, в России интересы большинства госчиновников сращены с интересами крупного частного капитала. В этой среде через групповые взаимодействия формируется социальный слой, отчужденный от всего населения, происходит их *самоотчуждение*.

Для оценки социальной отчужденности важен не только имущественный раскол между так называемой «элитой» и населением, но и контрасты доходов различных групп населения. Хотя и введен закон о том, что заработная плата руководителей бюджетных организаций не может превышать заработную плату работников более чем в 8 раз, на деле ни в госкорпорациях, ни тем более в бизнесе это не соблюдается (в Японии и Швеции эта разница составляет 3–5 раз). А годовой доход российского олигарха в среднем в 200 000 раз больше дохода среднестатистического бюджетника! В результате в 2018 г. официально число тех, кто имеет доход ниже прожиточного минимума (с 01.01.2019 г. он равен 11 280 рублей), составляет 20 млн человек [15. С. 7]. Вполне можно согласиться с утверждением, что источником избыточного социального неравенства сегодня (а следовательно, и социального отчуждения) в российском обществе является так называемый «капитализм для своих» с его клановым характером [16]. Избыточное неравенство отчуждает обычных людей от власти, от возможности влиять на политику и в целом на социальное будущее и своё собственное будущее.

Известно, что «...позитивная социальная общность (в основе которой интересы справедливости) формируется за счёт интеграции индивидуальных форм деятельности, в ходе которой и появляются некие общие социальные характеристики и социальная идентичность» [17. С. 53]. Замедление данного процесса в условиях избыточного социального неравенства способствует снижению и нравственного уровня, причём и у «элиты», и у остальных групп населения. Часть новой «элиты» практически непрофессиональна, её главный стимул активности – стремление сделать карьеру и обогатиться как можно быстрее. Социологические исследования выявляют снижение уровня терпимости ко многим порочным поведенческим практикам и у рядовых граждан: за последние 10 лет на 23% снизилась доля тех, кто нетерпимо относится к взяткам, на 29% – к неуплате налогов, на 36% – осуждающих воровство из

бюджета. И «переносчиком» этой нравственной инфекции стала наша новая «элита». Можно считать, что эти явления снижения социальной морали есть некий ответ (неосознанный и бессильный) населения на действия захватившего государство «коррумпированного сословия» [18. С. 9]. По сути, это есть формы проявления социального отчуждения, безразличного к общенациональным последствиям подобного поведения, а следовательно, свидетельства *нарастания социальной отчужденности*, а не усиления социальности в современном российском обществе. Некоторое представление об этом дают данные таблицы [13. Р. 30; 19. С. 206; 20. С. 336; 21. С. 152; 22. С. 282].

Степень неравенства в распределении денежных доходов в России за период 2002–2017 гг.

Показатель	2002 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.
Коэффициент Джини	39,9	40,1	41,6	37,7
Квинтильный коэффициент	7,6	7,3	8,2	6,6
Коэффициент неравенства людей	...	...	9,6	9,3

Социальная дифференциация и нарастающее отчуждение имеют динамический характер и включают в себя не только показатели дохода, культуры, социопрофессиональной принадлежности, но и некие «жизненные траектории» групп и индивидов, интенсивность и масштаб их функционального социального взаимодействия. На данный процесс, конечно, влияют различные политические, экономические, социокультурные факторы, что приводит либо к позитивному, либо к негативному результату, т.е. к тому или иному характеру устанавливаемого *социального порядка* и в целом к тому или иному «масштабу» социальности либо отчужденности. Другими словами, по выражению К. Ясперса, становление нового социального порядка предполагает выработку своего «осевого времени» [23], т.е. поиск синтеза интересов хозяйственности, предпринимательства, справедливости. Об этом же говорит и Э. Гидденс: «...представление о «ситуативном» характере социального взаимодействия может быть адекватно описано эмпирически только в том случае, если мы осознали, каким образом воспроизводство конкретных культурных, экономических и политических институтов во времени и пространстве неизменно связывается с действиями, специфичными для времени и пространства, накопленных знаний, и биографиями отдельных индивидов» [12. С. 490]. В этой связи можно говорить о «человеко-средовом метаболизме» [24. С. 105], при котором одинаково важен анализ таких трех компонентов, «как фактор сознания (информация, мотивы, оценки и т.д.), поведение, влияние внешней среды» [Там же. С. 110]. Следовательно, наследие К. Маркса, которое скоропалительно списали российские социологи, вполне объясняет понимание этих самых осевых тенденций новой эпохи, особенно применительно к основным противоречиям современных обществ. К. Маркс много говорил об отчужденности. Он утверждал, что «...рабочий стал товаром и счастье для него, если ему удастся найти покупателя. Рабочему приходится бороться не только за физические средства к жизни, но и за получение работы, т.е. за возможность осуществления своей деятельности, за средства к этому осуществлению своей деятельности. Работа человека – это его деятельная собственность» [25. С. 48, 49, 52]. Прогнозу К. Маркса более 150 лет, но и сегодня перед обществом и наукой о нём ставятся те же проблемы (неравенство, безработица, отчуждение от собственности, труда, его результатов и т.п.). При целенаправленной

политике в области усиления *позитивных социальных* взаимодействий социальное отчуждение может сначала ослабевать, а затем и преодолеваться. Данному требованию и должна соответствовать национальная и региональная социальная политика, учитывающая актуальные запросы населения.

Среди проблем, которые составляют повседневную жизнь людей и определяют направленность и содержание социальных взаимодействий в российском обществе, особую остроту приобретают сокращение доступа к бесплатным услугам, общее снижение уровня жизни и безработица [26]. В этих условиях нарастают тревога, напряженность и даже озлобленность населения, следствием которых являются самоубийства, алкоголизм, наркомания и другие деструктивные действия людей. Такие действия, конечно, характерны для многих развитых стран, но в российском обществе они более распространены: в три раза чаще, а по сравнению с Великобританией – почти в пять раз чаще [27]. Возрастают протестные настроения, причем интернет-технологии позволяют конвертировать пассивное недовольство в уличную активность. Появление протестного поведения в определенной мере на *локальном* уровне свидетельствует о некой социальной солидарности некоторых групп населения. Но эти процессы *стихийные*, людей объединяет *негативный* опыт, но разъединяет отсутствие общего интереса. В силу этого эти *временные общности* не могут демонстрировать социальную сплоченность и солидарность.

Эти стихийно формирующиеся групповые сообщества имеют негативную направленность и свидетельствуют о том, что в определённой степени общество выходит из-под контроля. В таком обществе социальность приобретает *«нарративную» форму*, возникая лишь по поводу тех или иных значимых событий (чемпионат мира по футболу, «Крым наш!» и др). Общенациональных «скреп», основанных на справедливости, становится меньше. А ведь известно, что патриотизм – эта некая иммунная система любого общества. Исследования выявили, что сегодня в России люди объединены в основном по классово-стратификационным основаниям. Общность с людьми одного социального положения ощущают в полной мере 25,8%, скорее ощущают – 45% [28. С. 19]. Парадоксально, но в условиях существования «нарративной» социальности усиливается ценность государства и формируется *новая гражданская идентичность*, которая в значительной мере пока выступает как ресурс устойчивой социальности. Однако данный ресурс долговременным может быть только в условиях *нарастания доверия*, причём не только доверия к власти, но и друг к другу. Сегодня доверие друг к другу испытывают в России 36%, в мире – 61% [13. Р. 74–77]. Доверие всегда выступает как результат общих норм и ценностей, общих интересов, реализующихся в процессе социального взаимодействия. Только на этой основе возможно преодоление социального отчуждения во всех его проявлениях. Усиление доверия, разделение общих норм и ценностей, в свою очередь, предполагает устранение (или хотя бы снижение!) социальной несправедливости.

Очевидно, сегодня российскому обществу нужны новые институты и организационные формы, новые «буфера» и регуляторы равновесия. В определенной мере к ним можно отнести волонтерские организации, общероссийский народный фронт (ОНФ), которые способствуют установлению этого самого «равновесия» и справедливости. В социальной политике необходим широкий спектр мер: личностных, социальных, технологических, в том числе

с использованием сетей. Нужен полноценный диалог с обществом. И отбор во власть также должен происходить с позиций социальности, т.е. с позиций социально-экономического развития страны и благополучия человека, с учётом и способностей, и желания руководствоваться в управленческих решениях таким критерием, как социальная справедливость и нарастание социальности в обществе. То или иное состояние социальности является своеобразным катализатором, ускоряющим или замедляющим человеческое развитие.

Литература

1. *Кравченко С.А.* Новации в социологическом знании // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 18–24.
2. *Игнатьев В.И.* Социальная теория в контактной зоне методов естествознания: информационно-резонансный метод к интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 3–13.
3. *Черныш М.Ф.* Тренды современной критической социологии (общие наблюдения с конференции ЕСА) // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 3–8.
4. *Гориков М.К., Тоценко Ж.Т.* Основные вехи в развитии отечественной социологии // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 3–16.
5. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 7–544.
6. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1993. 147 с.
8. *Парсонс Т.* Структура социального действия. М.: Академический проект, 2000. 880 с.
9. *Зиммель Г.* Социальная дифференциация // Избранное. М., 1996. Т. 2. 607 с.
10. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика: учение о строении простейшего (разового) социального явления. М.: Наука, 1993. 447 с.
11. *Олех Л.Г.* Социальная сущность транзитивного общества // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Вып. 3. Новосибирск, 2002. С. 14–26.
12. *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
13. *Human Development Indices and Indicators* 2018. URL: <http://hdr.undp.org>. 112 p
14. *Лапин Н.И.* Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 3–11.
15. *Россия-2018: богачи богатеют, а народ?* // Аргументы и факты. 2018. № 44. С. 7.
16. *Ильин В.А.* Капитализм для своих – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 12–25.
17. *Удальцова М.В.* Проблемы социальной политики в трансформирующейся России // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. Вып. 4. Новосибирск, 2002. С. 48–56.
18. *Костилов В.* Здравствуй, моя Мурка! // Аргументы и факты. 2018. № 43. С. 9.
19. *Доклад о человеческом развитии 2016.* Человеческое развитие для всех и каждого. М.: Весь Мир, 2016. 270 с.
20. *Доклад о развитии человека 2006.* Власть, бедность и глобальный кризис водных ресурсов. М.: Весь Мир, 2006. 421 с.
21. *Доклад о человеческом развитии 2013.* Возвышение Юга. М.: Весь Мир, 2013. 203 с.
22. *Доклад о развитии человека 2007/2008: Борьба с изменением климата.* М.: Весь Мир, 2007. 384 с.
23. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
24. *Социология управления: вчера, сегодня, завтра: материалы круглого стола 24.05.2017 г.* // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 102–113.
25. *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 4–174.
26. *Гориков М.К.* Социум в условиях кризисного развития: контекстовый подход // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 5–13.
27. *Удальцова М.В., Абрамова Е.А., Щемелева И.И.* Факторы формирования и развития основных сфер жизнедеятельности здорового общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 19–25.

28. Ярская В.Н. Темперально-смысловая дистанция в поле социальной сплоченности // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 14–24.

Maria V. Udaltsova, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: a.y.oreshko@mail.ru

Elena A. Abramova, Novosibirsk State Medical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Elabr72@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 48. pp. 126–134.

DOI: 10.17223/1998863X/48/12

SOCIAL INTERACTIONS AS A MECHANISM THAT FORMS SOCIALITY

Keywords: social interaction; social exclusion; justice; excessive inequality; social order; narrative sociality.

The article discusses the impact of social interactions on the formation of various social communities and, in general, on the formation of sociality. Depending on the “quality” of social interactions, their result can be either an increase in sociality or an increase in social alienation. To this end, it is shown that social interaction is a basic, cross-cutting concept in sociological knowledge. This situation is especially important today when the social world is being reformed, network social organisms arise, hierarchical structures are inferior to the horizontal in the degree of their influence on social processes, and the internal needs of people in public consent change. Interacting with each other, people enter into the process of “socialization”, which today is interpreted as sociality. Weakening social interaction breeds alienation. The article considers the interests of justice as unifying interests in Russian society; their violation causes social alienation. It is statistically proved that today the alienation of various individuals and groups, in connection with the violation of justice in society, becomes critical. Excess social inequality is considered as the main indicator of injustice. At the same time, attention is also paid to the “self-alienation” of the so-called “elite”, and to the contrasts of incomes of various groups of the population. A positive social community, formed with respect for the interests of justice, with elimination of excessive differences in income, and having some common characteristics and its identity, is increasingly inferior to the so-called “narrative” one. “Narrative” sociality arises about some important events (“Crimea is ours!”, FIFA World Cup, etc.), but it is unstable; it disintegrates as these events become distant in time. “Narrative” sociality coexists along with social alienation; it forms a certain social order in which a certain synthesis of the interests of economy, enterprise, justice and injustice arises. It is stated that it is necessary to turn to the heritage of Karl Marx when analyzing the contradictions of this social order. Today it is also highly relevant, especially when analyzing the various causes of social alienation and, in general, the main contradictions of society. It is suggested that, when forming a national and regional social policy, one should take into account the growing protest moods of the population and intensify the search for social “braces” capable of enhancing the interaction of people and integrating them into positive social communities.

References

1. Kravchenko, S.A. (2018) Innovations in sociological knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 18–24. (In Russian).
2. Ignatiev, V.I. (2017) Social theory in the contact zone of the methods of natural science: informational resonance approach to interpreting social reality. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 3–13. (In Russian).
3. Chernysh, M.F. (2018) Trends of modern critical sociology (general impressions from ESS conference). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 3–8. (In Russian).
4. Gorshkov, M.K. & Toshchenko, Zh.T. (2018) Main milestones in the development of Russian sociology: late 1950s–2010s. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 3–16. (In Russian).
5. Marx, K. & Engels, F. (1955a) *Sochineniya [Works]*. 2nd ed. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. literatury. pp. 7–544.
6. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]*. Translated from German. Moscow: Progress.
7. Parsons, T. (1993) *Sistema sovremennykh obshchestv [The System of Modern Societies]*. Translated from English by L.A. Sedov, A.D. Kovalev. Moscow: Aspekt-Press.

8. Parsons, T. (2000) *Struktura sotsial'nogo deystviya* [The Structure of Social Action]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
9. Simmel, G. (1996) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Yurist.
10. Sorokin, P.A. (1993) *Sistema sotsiologii* [Sociology System]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
11. Olekh, L.G. (2002) Sotsial'naya sushchnost' tranzitivnogo obshchestva [The social essence of a transitive society]. In: Udaltsova, M.V. (ed.) *Sotsial'nye vzaimodeystviya v tranzitivnom obshchestve* [Social interactions in a transitive society]. Issue 3. Novosibirsk: NGAUE. pp. 14–26.
12. Giddens, A. (2003) *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii proekt.
13. UNDP. (2018) *Human Development Indices and Indicators 2018*. [Online] Available from: <http://hdr.undp.org>.
14. Lapin, N.I. (2018) Formation of a social state as a way of successful evolution of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 8. pp. 3–11. (In Russian).
15. Shigareva, Yu. Et al. (2018) Rossiya-2018: bogachi bogateyut, a narod? [Russia-2018: the rich get richer, and the people?]. *Argumenty i fakty*. 44. pp. 7.
16. Ilin, V.A. (2017) "Crony Capitalism" – a Source of Social Inequality in Modern Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 6. pp. 12–25. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1
17. Udaltsova, M.V. (2002) Problemy sotsial'noy politiki v transformiruyushcheysya Rossii [Problems of social policy in transforming Russia]. In: Udaltsova, M.V. (ed.) *Sotsial'nye vzaimodeystviya v tranzitivnom obshchestve* [Social interactions in a transitive society]. Issue 4. Novosibirsk: NGAUE. pp. 48–56.
18. Kostikov, V. (2018) Zdravstvuy, moya Murka! [Hello, my Murka!]. *Argumenty i fakty*. 43. p. 9.
19. UNO. (2016) *Doklad o chelovecheskom razvitii 2016. Chelovecheskoe razvitie dlya vseh i kazhdogo* [Human Development Report 2016. Human development for one and all]. Moscow: Ves' Mir.
20. UNO. (2006) *Doklad o razvitii cheloveka 2006. Vlast', bednost' i global'nyy krizis vodnykh resursov* [Human Development Report 2006. Power, Poverty and the Global Water Crisis]. Moscow: Ves' Mir.
21. UNO. (2013) *Doklad o chelovecheskom razvitii 2013. Vozvyshenie Yuga* [Human Development Report 2013. The Rise of the South]. Moscow: Ves' Mir.
22. UNO. (2007) *Doklad o razvitii cheloveka 2007/2008. Bor'ba s izmeneniyem klimata* [Human Development Report 2007/2008. Fighting climate change]. Moscow: Ves' Mir.
23. Jaspers, K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Translated from German. Moscow: Politizdast.
24. Tikhonov, A.V. et al. (2018) Sociology of governance and administration: yesterday, today, tomorrow (materials of a Roundtable). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 102–113. (In Russian).
25. Marx, K. & Engels, F. (1955b) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 42. Translated from German. Moscow: Izd-vo polit. literatury. pp. 4–174.
26. Gorshkov, M.K. (2016) Sotsium v usloviyakh krizisnogo razvitiya: kontekstovyy podkhod [Socium in conditions of crisis development: a contextual approach]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 5–13.
27. Udaltsova, M.V., Abramova, E.A. & Shchemeleva, I.I. (2017) Development factors of the main vital activities in a sound society. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika – Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 10. pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.24158/spp.2017.10.3
28. Yarskaya, V.N. (2017) Temporal semantic distancing in the field of social cohesion (an analysis of social networks). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 14–24. (In Russian).